

УДК 94(571.150)
DOI 10.37386/2413-4481-2021-4-84-94

П.А. Афанасьев

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

А.А. Калашников

Лицей «Сигма», г. Барнаул, Россия

РЕОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 ГОДА

В статье рассмотрены преобразования органов контроля на общеокружном и низовом уровнях Алтайского округа в условиях революционных перемен. Коллапс окружного контроля в 1917 г. вызвал преобладание стихийного контроля со стороны низовых органов революционной власти. Ликвидация общеокружного контроля и реорганизация хозяйственного управления на Алтае с начала 1918 г. переносили ревизионную деятельность на формируемые на местах ревизионные комиссии. Условия их создания, особенности состава и деятельность обеспечивали функционирование лесничеств бывшего Алтайского округа под эгидой новых советских структур, предотвращая окончательный развал окружного хозяйства и являясь демократическим ответом на дореволюционную окружную систему контроля.

Ключевые слова: Алтайский округ, Алтайское отделение контроля, фактический контроль, ревизионные комиссии, земельно-лесные советы, Алтайский губернский земельный комитет, Управление Алтайского округа.

P.A. Afanasjev

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

A.A. Kalashnikov

Sigma Lyceum, Barnaul, Russia

REORGANIZATION OF SUPERVISING ACTIVITIES IN ALTAI DISTRICT IN 1917 – THE FIRST HALF OF 1918

The article considers the transformation of supervising institutions at the district and basic levels of Altai district in the context of revolutionary changes. The collapse of district supervision in 1917 caused the predominance of spontaneous control by the basic revolutionary authorities. The elimination of the general district control and the reorganization of the economic management in Altai from the beginning of 1918 transferred the audit activity to the audit commissions formed at the local level. The conditions of their creation, the peculiarities of their composition and activities ensured the functioning of the forestries of the former Altai District under the auspices of the new Soviet structures, preventing the final collapse of the district economy and being a democratic response to the pre-revolutionary district control system.

Key words: Altai District, Altai Department of Supervision, actual supervision, audit commissions, land and forest councils, Altai Provincial Land Committee, Administration of the Altai District.

В период кратковременного установления советской власти на Алтае в первой половине 1918 г. все лесничества и арендные районы округа, сохраняя старый контингент служащих, были поставлены в ведение и распоряжение создававшихся при них земельно-лесных советов и их управ. Несмотря на то, что предпринятые советской властью изменения административно-хозяйственной структуры управления Алтайским округом являлись первой целенаправленной и осуществленной на практике попыткой преобразований

хозяйственно-территориального комплекса бывшего императорского владения, процесс реорганизации управления округом не получил широкого и устойчивого освещения в историографии. Характеризуя преобразования низового аппарата хозяйственного управления округом в первой половине 1918 г., историки преимущественно акцентировали внимание на появлении и деятельности новых коллегиальных органов – земельно-лесных советов и их управ [1, с. 113, 121–122; 2; 3, с. 52–53; 4, с. 236–241; 5; 6]. Наряду с ними реорга-

низация местного уровня хозяйственного управления предполагала создание еще одной обязательной структуры – ревизионных комиссий. Их организацию Алтайская губернская земельная управа считала важнейшей частью реорганизации управления в лесничествах. Однако в работах исследователей, ввиду преимущественно спорадического обращения к анализу административных изменений на Алтае в революционное время, создание и деятельность указанных структур остается незамеченной. К тому же контрольную сферу деятельности как специфическую область управления в любой период ее функционирования, в том числе и на региональном уровне, до сих пор можно считать белым пятном российской историографии. Между тем первичная делопроизводственная документация, связанная с деятельностью ревизионных комиссий, позволяет выявить причины, процесс их создания и особенности деятельности, рассматривая их как часть проводившейся в первой половине 1918 г. административно-хозяйственной трансформации округа. При этом преобразования в ревизионной сфере региона, анализируемые в контексте реорганизации всей контрольной деятельности в округе, дают возможность выявить региональный вектор развития этой особой отрасли управления в революционный период.

К началу 1917 г. контрольно-ревизионная деятельность с целью проверки правильности и законности действий в хозяйстве Алтайского округа осуществлялась Алтайским отделением контроля. После реформирования в начале XX в. его функции включали проверку оборотов и наблюдение за «правильным движением и сохранностью» денежных капиталов и имущества округа. Помимо документальной ревизии, состоявшей из проверки финансово-хозяйственных документов, в деятельности отделения существенное место отводилось фактической ревизии хозяйственных объектов. Территория округа с 1907 г. была разделена на контрольные районы с постоянным пребыванием в них контролеров. Это позволяло им на регулярной основе осуществлять все виды ревизии, полагаясь на постоянное непосредственное ознакомление с состоянием проверяемых объектов [7, л. 63, 65 об.]. Деление Алтайского округа в 1911 г. на лесничества значительно увеличило число ревизуемых мест для каждого из пяти районных контролеров. Результатом стало снижение осведомленности контролеров о положении дел в их районах с тенденцией превращения ревизионных поездок в мероприятия формального характера [8, л. 1 об.].

В таких условиях Алтайское отделение контроля в 1913 г. высказалось о целесообразности перевода всех контролеров в Барнаул для усиления документальной проверки стекавшихся со всего округа отчетов с периодическими командировками контролеров по округу для фактических ревизий. Судя по всему, эта мера была осуществлена в 1916 г., сосредоточив в Барнауле весь небольшой штат отделения контроля. Подготовленный в этом же году проект новой инструкции отделению должен был нормативно оформить нововведения. Документ закреплял постоянное пребывание контролеров в Барнауле, где на них возлагалась ревизия всей поступавшей в отделение отчетной документации [9, л. 4, 18 об.]. Проект сохранял осуществление фактических ревизий объектов округа, в первую очередь земель и лесов. В отличие от действовавшей инструкции, рекомендовавшей фактическую ревизию учреждений и объектов в районах пребывания контролеров не менее четырех раз в год, проект новой инструкции определял их проведение «по мере действительной надобности», установив лишь для отдаленных мест округа периодичность осмотров не реже одного раза в год [9, л. 18 об.]. Проектируемые изменения свидетельствуют о начавшемся в округе реформировании контрольно-ревизионного дела в духе усиления его окружной централизации и отказа от всестороннего знания контролерами подотчетных объектов.

После Февральской революции контрольно-ревизионный аспект бывшего кабинетского хозяйства оказался в тени административно-хозяйственных вопросов передачи кабинетских земель в казну. Постановление Временного правительства от 27 марта 1917 г. лишь упомянуло о подчинении всех хозяйственных, сметных и финансовых операций ведению Государственного контроля, но обошло молчанием дальнейшую судьбу местных контрольных структур [10, с. 181]. Затянувшаяся правовая неопределенность завершилась изданием нового постановления Временного правительства от 26 июля 1917 г. «О порядке передачи в ведение Государственного контроля контрольных частей бывшего Министерства двора». Местные контрольные отделения должны были подчиниться местным контрольным палатам Государственного контроля с передачей им обязанностей ревизии всей новой отчетности с 1 июля 1917 г. Срок ликвидации контрольных структур устанавливался до 1 января 1918 г. Контрольные чиновники упраздняемых отделений подлежали оставлению за штатом при отсутствии для них новых назначений [11, с. 179].

К этому времени Алтайский округ существовал в ситуации нарастающего контрольного хаоса. Задерживалось предоставление отделению контроля отчетности за 1916 г., новая отчетность за прошедшие месяцы 1917 г. также поступала весьма фрагментарно и нерегулярно, представляя лишь половину подотчетных мест [12, л. 24, 25]. Штат отделения, укомплектованный лишь наполовину (в составе 6 чиновников), не позволял своевременно осуществлять документальную проверку даже полученной отчетности и заставил совсем отказаться от проведения фактических ревизий. Алтайское отделение контроля существовало уже по инерции, теряя дееспособность. В конце октября это был вынужден признать его заведующий Б.К. Эйсмонт: «Отсутствие авторитетного фактического контроля начинает сказываться все сильнее и сильнее разного рода отрицательными явлениями в хозяйственной жизни Алтайского округа» [12, л. 22]. В связи с этим совещание чинов Алтайского отделения контроля 26 октября 1917 г. признало необходимым скорейшее установление надзора над учреждениями округа со стороны представителей Государственного контроля, «облеченных определенными правами, отсутствующими в данное время у чинов отделения контроля бывшего Министерства двора» [12, л. 25 об.]. Для этого, следуя постановлению Временного правительства, совещание приняло решение ликвидировать Алтайское отделение контроля к 1 января 1918 г. Вся необревизованная отчетность подлежала передаче Томской контрольной палате, принимавшей надзор над бывшим Алтайским округом [12, л. 25 об.].

На фоне коллапса Алтайского отделения контроля после Февральской революции ревизионная деятельность в ее различных формах уже с весны 1917 г. оказалась присуща низовым новообразованным органам власти, предпринимавшим попытки распространять свои компетенции на область хозяйственного управления в лесничествах. Егорьевский лесничий в акте от 7 апреля 1917 г. отмечал, что сельским сходом с. Егорьевского было решено произвести ревизию деятельности служащих лесничества, для чего в канцелярию пришли проверяющие, которые, не найдя никаких нарушений, ограничились опечатыванием денежного ящика [13, л. 4]. Жители селений Абаканского лесничества собирали подписи для проведения ревизии канцелярии лесничества [14, л. 16 об.]. Однако меры крестьянских комитетов по опечатыванию, изъятию касс и канцелярий лесничеств являлись противозаконными, что позволило советским историкам отнести их к одной

из форм крестьянского движения [15, с. 130, 143–144]. Советы рабочих и солдатских депутатов также осуществляли периодические ревизии канцелярий лесничеств. Одна из них была произведена в июне 1917 г. в Барнаульском лесничестве. В ходе нее представителями совдепа было выявлено, что помощник лесничего не внес в кассу лесничества 270 рублей, полученных им еще в начале 1917 г. за продажу дров [16, л. 4, 8].

Еще одной формой контроля над деятельностью лесничеств было назначение контролеров к служащим. Обязанности таких лиц, как правило, заключались в наблюдении за распределением леса между жителями селений, в оценке правильности действий администрации. Впрочем, как отмечал в своем докладе от 8 июля 1917 г. старший лесничий Абрамов, «новые контролеры никем не инструктированы и совершенно не знают, в чем заключаются их контрольные функции. ... Кроме хаоса в дело по отпуску и распределению леса контролеры пока ничего не внесли» [17, л. 19 об.]. Таким образом, после Февральской революции попытки организации контроля снизу носили иррегулярный и незаконный характер, а лица, осуществлявшие ревизионную деятельность, не обладали необходимой компетенцией. Вместе с тем устойчивую тенденцию установления фактического контроля, идущего снизу, в условиях демократизации власти весной-летом 1917 г. можно считать ответом на сложившееся накануне революции состояние контрольного дела в округе.

Вопрос о необходимости внешнего и внутреннего контроля стал действительно актуальным в декабре 1917 г., в период начала реорганизации управления Алтайским округом. В это время ревизионная деятельность становится неотъемлемой частью проведения в жизнь постановлений Алтайского губземкома. Так, Славгородский уездный земком 20 декабря 1917 г. вынес постановление, согласно которому была организована комиссия, в состав которой вошли по одному представителю от совдепа и уездной земельной управы. Комиссии было поручено взять на учет все имущество, «находящееся в лесных дачах и промыслах с подробным обревизованием всей денежной отчетности» [18, с. 123]. Однако ревизионная деятельность продолжала носить бессистемный характер: без санкции свыше образовывались различные комиссии и назначались контролеры от волостей, занимавшиеся оценкой деятельности лесничеств.

Инициированная постановлениями декабрьской и январской сессий Алтайского губземкома реорганизация управления Алтайским округом

предполагала изъятие земель и лесов округа из ведения бывшей кабинетской администрации, а также подчинение всей бывшей ведомственной вертикали управления Алтайскому губземкому, что создавало необходимость выработки норм, регламентирующих данный процесс. Согласно первому проекту реорганизации лесничества округа передавались в ведение районных земкомов без организации каких-либо низовых контрольных структур [19, л. 24–26]. Разработанная к концу декабря 1917 г. новая «Инструкция временных правил реорганизации Алтайского округа» также не предусматривала их создания. Неопределенным в ней было положение общеокружного отделения контроля. Его ликвидация, вопреки уже принятому его сотрудниками решению, теперь определялась только губернской земельной управой, «если управа не найдет в нем надобности». В случае ликвидации отделения контрольные функции передавались Государственному контролю и ревизионной комиссии из представителей губземкома, земельной управы, совета депутатов и городской думы, причем функции этой комиссии никак не определялись [20, л. 49 об.].

Контрольные аспекты административно-хозяйственной реорганизации округа были доработаны в итоговой «Краткой инструкции реорганизации Алтайского округа» от 29 января 1918 г. Как и ранее, общеокружное отделение контроля упразднялось с заменой его государственной контрольной структурой, роль которой теперь уже выполняли вновь создаваемые советской властью губернские контрольные коллегии. Из предыдущей редакции инструкции сохранялась организуемая губземкомом ревизионная комиссия в составе представителей губземкома и совета. Ее статус предусматривался как общеокружной, «для проверки прежней деятельности Управления Алтайского округа, а также для внутреннего наблюдения» [21, л. 23]. Исходя из этой цели, можно предполагать, что ревизионная комиссия была исключительно инициативой губземкома для контроля над прежним окружным аппаратом, не связанной функционально с государственным контролем. На это указывает и отсутствие в документе разъяснений о соотношении ревизионной комиссии с будущей контрольной коллегией. Также в п. 4 § 9 «Краткой инструкции» впервые фигурирует необходимость избрания низовых ревизионных комиссий «для проверки деятельности управы (земельно-лесного. – П. А., А. К.) совета» [21, л. 23]. В их состав должно было входить 3 лица, требования к которым в документе отсутствовали. Низовые и окружная ревизионные комиссии вряд

ли рассматривались как уровни единой системы, поскольку их соотношение никак не объяснялось в инструкции, и разноуровневые комиссии были, скорее, отражением противостояния Губземкома и окружного чиновничества [18, с. 120–129]. По всей видимости, появление новой низовой контрольной структуры следует рассматривать как продукт коллективного творчества чиновников Управления Алтайского округа и членов Алтайского губземкома, осуществлявших совместную работу над «финальной» версией инструкции (первые две инструкции разрабатывались и принимались без участия Управления округа).

Реорганизация окружного контроля на основе «Краткой инструкции» происходила в феврале 1918 г. С 12 (25) февраля началась ликвидация Алтайского отделения контроля с передачей им дел ревизионной комиссии Губземкома. Именно она, а не предполагаемая к созданию контрольная коллегия, принимала непосредственное участие в финансово-ревизионной деятельности на протяжении всей весны 1918 г. Вероятно, советская структура государственного контроля на Алтае так и не успела возникнуть к лету 1918 г., поскольку в документах пока не обнаружено свидетельств ее деятельности.

Причины появления ревизионных комиссий, осуществлявших функции внутреннего контроля в лесничествах, очевидны. Первая из них – необходимость сокращения возможных денежных, документальных и имущественных потерь при реорганизации лесничеств. Так, одним из первых постановлений Телецкого земельно-лесного совета стало решение продажи «ненужного» имущества лесничества [22, л. 135]. Усугубляла проблему постоянная текучка кадров в учреждениях округа. Об ее остроте также свидетельствует издание Отделом по управлению имуществом республики Алтайского губсовдепа циркуляра № 32 от 31 мая 1918 г., согласно которому за потерю имущества, обнаруженную при сменах должностных лиц, взыскивалось в пять раз больше инвентарной стоимости утраченного имущества [23, л. 37]. Второй причиной являлось отсутствие отчетной документации административно-хозяйственных единиц за 1917 г., подготовка которой на местах была отложена в связи со сложными внутренними условиями функционирования лесничеств зимой 1917–1918 гг. Организация ревизионных комиссий предоставляла возможность производства единовременного массового учета, что было невозможно осуществить мизерными силами аппарата Алтайского отделения контроля. Как отмечал тополинский лесничий в рапорте Управлению

округа от 15 января 1918 г., «наше воздействие как чиновников власти прежнего правления потеряло в народе всякое значение и ко всяким нашим разъяснениям и уговорам народ относится с недоверием и таковые существенной пользы не принесут» [24, л. 62 об.]. В качестве третьей причины мы выделяем необходимость придания легитимности новым структурам, заменявшим аппарат лесничеств, формирования доверия к ним со стороны населения, активно включавшегося в их работу.

Наличие трех различных инструкций, громадные размеры округа, перебои в работе почтово-телеграфных служб привели к тому, что реорганизация многих лесничеств округа не просто затянулась, но и проходила в несколько этапов: новообразованные коллегиальные органы и их составы корректировались по мере поступления новых редакций инструкций. В итоге даже в феврале 1918 г. в части лесничеств производилась реорганизация по ее «устаревшим» вариантам, не предполагавшим создание ревизионных комиссий. Так, земельно-лесной совет Солоновского лесничества докладывал Алтайскому губземкому, что образовать ревизионную комиссию он не мог по причине того, что не получал «Краткую инструкцию реорганизации» [22, л. 69]. С другой стороны, даже беря за основу инструкцию от 29 января, участники земельно-лесных съездов, организовавших земельно-лесные советы, не всегда видели острую необходимость в создании ревизионных комиссий, тем более при наличии на территории лесничеств иных структур со схожими функциями. В том же Солоновском лесничестве ревизионная комиссия была избрана Покровским волостным советом крестьянских депутатов, в обязанность которой входила ревизия всех общественных учреждений в районе [22, л. 69]. При реорганизации Егорьевского лесничества обязанности ревизионной комиссии приняла земельно-лесная управа [22, л. 72], что само по себе было абсурдно, т. к. управа должна была осуществлять контроль над деятельностью самой себя. Земельно-лесной совет Телецкого лесничества предложил образовать ревизионную комиссию волостному собранию [22, л. 63], в Караканском лесничестве, реорганизация которого прошла с отступлениями от инструкций, периодический контроль осуществляли члены волостных земельных комитетов и специально избранные контролеры от волостей [25, л. 25–25 об., 48 об.]. В Камышенском лесничестве, несмотря на наличие земельно-лесного совета, ревизионная комиссия не избиралась в течение всего периода кра-

тковременного установления советской власти [26, л. 38]. Учитывая указанные обстоятельства, Алтайская губернская земельная управа циркуляром земельно-лесным советам от 18 марта 1918 г. дополнительно предписывала образовывать ревизионные комиссии и по возможности незамедлительно сообщать об этом управе [27, л. 29].

Ревизионные комиссии земельно-лесных советов избирались участниками земельно-лесных съездов (советов) из собственного числа путем прямого голосования. В большинстве случаев количество лиц, входящих в состав комиссий, ограничивалось тремя, как того требовала инструкция реорганизации управления округом. Однако встречались и исключения, например, в Риддерском, Локтевском лесничествах ревизионные комиссии состояли из четырех человек [22, л. 37, 60]. Состав новообразованных структур был достаточно пестрым, но преимущественно крестьянским, и напрямую зависел от составов земельно-лесных советов, в которые входили представители волостных земкомов, совдепов и даже представители лесной стражи лесничеств, при этом равного представительства от различных учреждений в комиссиях не было. Комиссия могла состоять только из крестьян, в нее могли входить, а могли не входить представители совдепов, то же касается и лесной стражи.

Являясь структурными подразделениями земельно-лесных советов, ревизионные комиссии были вынуждены столкнуться с проблемой «правовой неопределенности», заключавшейся в отсутствии четкой регламентации их деятельности [5, с. 93]. Но если для земельно-лесных советов и их управ данная проблема была решена к маю 1918 г., то для ревизионных комиссий она оставалась актуальной вплоть до их ликвидации. Так, члены ревизионной комиссии Талицкого земельно-лесного совета требовали высылки специальной инструкции, которую можно было бы использовать в качестве руководства при ревизиях [28, л. 45]. Нестановочно Отдел по управлению имуществом республики циркуляром от 1 июня 1918 г. предписывал сообщать списки лиц, избранных в земельно-лесные управы и в ревизионные комиссии, с указанием с какого времени, на какие обязанности и каким постановлением они избраны [23, л. 42]. На наш взгляд, издание данного циркуляра преследовало несколько целей: собрать информацию о ходе и промежуточных итогах реорганизации управления округом, провести масштабную единовременную регистрацию лиц, занимающих должности в подведомственных Отделу учреждениях, а также аккумулировать сложившиеся реальные практики

в управлении для их оценки и возможного юридического закрепления.

Не менее остро стоял вопрос о размерах оплаты труда членов комиссий при производстве ревизий, т. к., по их собственным замечаниям, «бесплатно проводить время по делам ревизии никто не согласен» [28, л. 45]. Следует считать странным решение Отдела по управлению имуществами республики Алтайского губсовдепа, который в переписке с убинским лесничим отмечал, что удовлетворение прогонами и суточными выборных от населения лиц (которыми являлись члены ревизионной комиссии) не может производиться в счет сумм Отдела и подведомственных ему учреждений [26, л. 20]. Так как ревизионные комиссии фактически являлись структурными подразделениями земельно-лесных советов, то, на наш взгляд, на них следовало распространять § 10 «Краткой инструкции» – производить их содержание в счет лесничеств, как это и было на практике в значительной части лесничеств. В целях обеспечения деятельности ревизионных комиссий их членам земельно-лесными советами Алтайского округа назначалась выдача суточных (от 4 до 8 руб. в зависимости от лесничества) [22, л. 37–37 об.; 29, л. 36 об., 47 об.; 30, л. 26; 31, л. 62 об.; 32, л. 59, 88; 33, л. 60] и прогонных денег (назначались исходя из провозных цен «по действительной стоимости», в среднем около 50 коп. с версты) на период проведения ревизий. По постановлению Риддерского земельно-лесного совета оплата труда ревизионной комиссии производилась по усмотрению и за счет сельских обществ [26, л. 47 об.]. Сами лесничие, по всей видимости, не рассматривали ревизионные комиссии в качестве структурных единиц аппаратов лесничеств, о чем свидетельствует ряд составленных ими весной 1918 г. смет содержания лесничеств, куда данные структуры внесены не были [22, л. 110–115, 122–123 об.].

Исходя из актов ревизий, на практике деятельность комиссий чаще всего заключалась в проверке и учете денежных книг, делопроизводства, касс лесничеств. Как правило, учетным периодом выступал промежуток времени с 1917 г. по момент проведения ревизии. Проверка заключалась в поиске «подписок и помарок» [31, л. 64 об.] в документах, соотнесении кассовой наличности с квитанциями и лесорубочными билетами. Ревизии заканчивались для служащих лесничества не всегда благополучно. Так, по решению земельно-лесного совета Риддерского лесничества, лесничий был отстранен от должности за нарушения, выявленные при проверке лесничества ревизион-

ной комиссией («производил расход кассы в свою пользу») [22, л. 58]. Некоторые комиссии оказались напрямую вовлечены в процесс реорганизации управления в лесничествах, осуществляя передачу «всего производства и управления» лесничеств земельно-лесным советам (Нижне-Кулундинское лесничество) [31, л. 62 об.]. Другие, как в Алеусском лесничестве, были привлечены к обследованию мест порубок и секвестрованию самовольно вырубленного леса, а также ревизии районов коммерческих заготовок [22, л. 70–70 об.; 33, л. 61]. Длительность ревизий была различной и напрямую зависела от объема проверяемого материала. По оценке члена Сузунского земельно-лесного совета Ельгина, для проверки деятельности управы в период с 1 марта 1917 г. по май 1918 г. был необходим 1 месяц, за период с 1 февраля по май 1918 г. – 5–6 дней [29, л. 33 об.]. По окончании ревизий члены комиссий оставляли отметки в кассовых журналах лесничеств и предоставляли результаты проверок земельно-лесным советам.

Периодичность ревизий также зависела от решений конкретного земельно-лесного совета, но в среднем должна была производиться не менее одного раза в месяц (судя по протоколам земельно-лесных советов). Ревизионная комиссия земельно-лесного совета Нижне-Кулундинского лесничества (Овечкинская ревизионная районная управа) отмечала, что ревизии «будут производиться по первому приглашению районной управы» [31, л. 64 об.]. Ревизионная комиссия Коростелевского земельно-лесного совета должна была производить ревизию денежной отчетности не менее одного раза в месяц, а «вообще лесничества – на усмотрение комиссии» [32, л. 59] (видимо, речь идет о делопроизводстве лесничества. – П. А., А. К.).

Рассматривать ревизионные комиссии в качестве единственной формы контроля над деятельностью лесничеств будет ошибочно. В период их деятельности контрольно-ревизионную функцию также выполняли инструкторы (старшие лесничие), уездные земкомы, представители исполкома губсовдепа, при этом прямой зависимости между наличием или отсутствием ревизионных комиссий на местах и проведением внешнего контроля со стороны указанных лиц и структур не наблюдается.

Таким образом, создание и деятельность ревизионных комиссий земельно-лесных советов в Алтайском округе являлось важной частью реорганизации управления округом в начале 1918 г. Выполняя функцию внутреннего контроля, ревизионные комиссии должны были предотвратить имущественные и делопроизводственные потери в процессе передачи лесничеств советским струк-

турам, а также обеспечить функционирование лесничеств под управлением новых коллегиальных органов, содействовать подготовке отчетной документации, формировать доверие к новым структурам хозяйственного управления. Фактически деятельность ревизионных комиссий превратилась не в проверку работы земельно-лесных управ, а в учетно-контрольную оценку деятельности аппарата лесничеств за революционный период. Важной особенностью деятельности указанных структур являлось отсутствие правовой регламентации, определявшей круг их полномочий, в связи с чем в различных административно-хозяйственных единицах их деятельность принимала различные формы: от проверки денежных сумм и делопроизводства до выемок самовольно нарубленного леса и ревизий иных учреждений. С приходом к власти Временного Сибирского правительства были ликвидированы земельно-лесные советы. Та же участь постигла их структурные подразделения – ревизионные комиссии, организация которых так и не была осуществлена в ряде лесничеств.

Непродолжительное существование ревизионных комиссий стало закономерным ответом на тенденции развития контрольной сферы в Алтайском округе, сложившиеся к началу революционного времени. Осуществленные накануне революции окружная централизация контроля и отказ от фактических ревизий объектов округа в

условиях 1917 г. обернулись не только коллапсом деятельности Алтайского отделения контроля, но и породили стихийные несанкционированные формы контроля, идущие от низовых органов и воплощавшие разные проявления фактической ревизии. Планировавшаяся к концу 1917 г. передача контрольного дела в Алтайском округе в ведение структур Государственного контроля вряд ли могла существенно переломить эту ситуацию, хотя в качестве основы преобразования контрольной сферы эта идея присутствовала во всех нормативных регламентах этого процесса. Но в условиях начавшейся в первой половине 1918 г. советизации подобный трансфер контроля не состоялся: прежняя система государственного контроля стремительно рушилась, а новая советская система контрольных коллегий только лишь декларировалась. Поэтому создание низовых ревизионных комиссий стало наиболее реальным направлением развития контрольной деятельности на Алтае в первой половине 1918 г. Воплощая революционные демократические порывы низовых уровней управления, эти комиссии в то же время на качественно новой основе возрождали отвергнутую перед 1917 г. на Алтае идею приближения контроля к подотчетным объектам. Благодаря этому деятельность ревизионных комиссий стала одним из условий предотвращения окончательного развала деятельности алтайских лесничеств в период «первой» советской власти.

Библиографический список

1. Иванцова Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М., 1990.
2. Поляков С. Е. Реорганизация системы управления Алтайским округом в период временного установления советской власти (декабрь 1917 г. – июнь 1918 г.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 289–290.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008.
4. Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул, 2019.
5. Калашников А. А., Афанасьев П. А. Особенности деятельности земельно-лесных советов в Алтайском округе (январь – июнь 1918 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2019. С. 90–94.
6. Калашников А. А. Направления деятельности земельно-лесных советов в Алтайском округе (январь – июнь 1918 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2020. С. 285–295.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 126. Оп. 1. Д. 11.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 482. Оп. 6. Д. 285.
9. РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 957.
10. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. Т. 1. М., 2001.
11. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. Т. 3. М., 2004.
12. РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1307.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700.
14. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4723.
15. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987.
16. ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 2.
17. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4673.

18. Калашников А. А. Начало реорганизации структур ведомства бывшего Кабинета на Алтае в контексте ликвидации кабинетского землевладения (декабрь 1917 – январь 1918 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2018. С. 117–129.

19. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 34.
20. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545.
21. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 553.
22. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 56.
23. ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 10.
24. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4688.
25. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4713.
26. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4790.
27. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4787.
28. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4708.
29. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4793.
30. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4675.
31. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4716.
32. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775.
33. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706.